

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-511-520

Научная статья

Армянский текст: дети Иова

Э.Ф. Шафранская

Смоленский государственный университет
Российская Федерация, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен один из паттернов армянского текста в русской литературе — родство исторических судеб армянского и еврейского народов. Цель исследования — показать на примере травелогов писателей и литераторов второй половины XX в. — Андрея Битова, Василия Гроссмана, Юрия Карабчиевского, Георгия Гачева, — как складывался этот паттерн армянского текста — сопряжение трагической судьбы евреев и армян. Интенция ментальности армян, замешанной на своей древней истории, совпадает с еврейской интенцией, что показано в статье на типологических примерах из прозы Дины Рубиной. Армянский текст — это литературный конструкт, изобретенный именно писательским творчеством, сначала прозой, затем откликающейся на нее поэзией. Приведены примеры армянского текста, находящегося во взаимодействии с указанной прозой, из лирики современных поэтов — Лианы Шахвердян, Алесслио Гаспари. Армянский текст — ретранслируемый в русской литературе конструкт. Он создан писателями, воспроизводящими в своем творчестве некоторые устойчивые паттерны. На материале настоящего исследования мы сфокусировались на одном из них — онтологическом родстве армян и евреев. Центральным его мотивом выступает метафора исторической памяти о кровавом XX веке — метафора-упрек за братоубийственные войны человечества.

Ключевые слова: армянский текст, армяне, евреи, Цицернакаберд, Андрей Битов, Василий Гроссман, Юрий Карабчиевский, Георгий Гачев, Лиана Шахвердян, Алесслио Гаспари

История статьи: поступила в редакцию 18.04.2022; принята к печати 04.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339, <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 511–520. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-511-520

© Шафранская Э.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Armenian Text: Job's Children

Eleonora F. Shafranskaya

Smolensk State University
4, Przhevalsky st., Smolensk, 214000, Russian Federation
Moscow City University,
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The article considers one of the patterns of the Armenian text in Russian literature — the relationship of the historical destinies of the Armenian and Jewish peoples. The purpose of the study is to present, using the example of travelogues of writers of the second half of the twentieth century: Andrei Bitov, Vasily Grossman, Yuri Karabchievsky, Georgy Gachev, how this pattern of the Armenian text was formed — the pairing of the tragic fate of Jews and Armenians. The intention of the mentality of the Armenians, based on their ancient history, coincides with the Jewish intention, which is shown in the article using typological examples from the prose of Dina Rubina. The Armenian text, according to the author of the article, is a literary construct invented precisely by the writer's creativity, first by prose, then by poetry responding to it. Thus, examples of the Armenian text, which is in interaction with the specified prose, are given from the lyrics of contemporary poets — Liana Shahverdyan, Alessio Gaspari. The Armenian text is a construct retransmitted in Russian literature. It was created by writers who reproduce certain stable patterns in their work. On the material of this study, we focused on one of them — the ontological relationship of Armenians and Jews. Its central motif is the metaphor of the historical memory of the bloody 20th century — a metaphor-reproach for the fratricidal wars of mankind.

Key words: Armenian text, Armenians, Jews, Tsitsernakaberd, Andrey Bitov, Vasily Grossman, Yuri Karabchievsky, Georgy Gachev, Liana Shahverdyan, Alessio Gaspari

Article history: received 18.04.2022; accepted 04.06.2022

Conflict of interests: none

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00339, <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>

For citation: Shafranskaya, E.F. 2022. "Armenian Text: Job's Children". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 511—520. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-511-520

Введение

На рубеже XX—XXI вв. в русском литературоведении возник исследовательский вектор по изучению локальных текстов культуры и словесности — по следам несколько ранее появившейся работы В.Н. Топорова, связанной с петербургским текстом.

Этот научный проект еще не завершен. Много неоднозначно трактуемого в теории локальных текстов, до сих пор не определены границы, позволяющие фиксировать существование того или иного локального текста, есть ли нечто общее в структуре локальных текстов — эти и другие вопросы предстоит решать исследователям [1].

Объект аналитики нашей статьи — *армянский текст* в русской литературе, а ее предмет — один из *паттернов* армянского текста, который связан с ассоциативно возникающей близостью судеб армянского и еврейского народов.

Обсуждение

Паттерн — строительная единица, слагаемое локального текста. Паттерны типологичны: это могут быть культурные артефакты, особенности ландшафта, климата, архитектура, гастрономический ряд, специфическая городская ментальность, имена собственные как знаки-символы культурного и исторического пространства, символы древней истории, почитаемые современниками, судьбоносные для жизни народа события и проч. [2]. В армянском тексте обнаруживается рецептивный паттерн, основанный на трагическом сходстве судеб армян и евреев. Однако такой паттерн возникает только в XX в. — после геноцида армян и холокоста, тогда как упоминание об армянах в русской литературе встречается значительно раньше.

Мы не будем уходить в глубь истории литературы, чтобы остаться в рамках заявленного предмета исследования, приведем лишь несколько примеров. Судя по далеко не первостепенным деталям в лирике XIX в., армянин там предстает плутом, мошенником, торгашом. Аналогичный стереотип в русской литературе сложился и в отношении еврея. Русская литературная традиция [3], изображая еврея, выработала набор стереотипов: алчный торгаш, ростовщик, контрабандист, шпион, предатель, вражеский лазутчик, согладатай, отравитель, «трусливый жидок» [4. С. 308; 5], говорящий с характерным акцентом [6; 7]. Весь этот «еврейский набор» можно отнести к армянину. Так, у Пушкина: «Неверную деву лобзал армянин» («Черная шаль») — похотливый «армяшка»; «Видел я, с товаром / Тифлисский ехал армянин» — для контекста этих пушкинских стихов следует упомянуть слова Л. Аннинского: «Неизменные армянские атрибуты: базар — деньги. Купец, мрачный, как ненастье, сидит и считает деньги день и ночь» [8. С. 173]; «Поди ты прочь — ты мне не сын, / Ты не чеченец — ты старуха, / Ты трус, ты раб, ты армянин!» (Пушкин, «Тазит») — Пушкин воссоздает ксенофобную повседневность, константу любого сообщества всех времен и народов (заметим: констатация такого паттерна повседневности не равна убеждениям поэта).

Упомянутые «армянские» фрагменты свидетельствуют: художественно реализованные характеристики армянина, социальные и моральные, не повод говорить об армянском тексте.

Подробнее остановимся на сюжете рассказа Федора Сологуба «Маленький человек» (1907), в котором происходит буквальное — объемное — размыкание историко-литературного клише «маленький человек» — не без помощи образа армянина. Главный герой, Саранин, чиновник департамента (повествователь однозначно передает читателю «привет» от его литературных предшественников: «Традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмачкина живучи» [9. С. 282]), решил уменьшить объемы своей корпулентной жены, воспользовавшись услугами армянина, у которого купил специальное снадобье. Вот описание армянина — вполне ориенталистское, с акцентом на экзотический облик:

То была странная, словно из средних веков, фигура. Халат ярких цветов, с широким поясом. Высокая шапка, остроконечная, с черными узорами. Шафраном окрашенная борода, длинная и узкая. Белые, блестящие зубы. Черные, жгучие глаза. Ноги в туфлях.

«Армянин!» — подумал почему-то Саранин.

Армянин подошел к нему и сказал... [9. С. 276].

Жена решила подшутить над мужем, поменяв бокалы с вином: тот, что был со снадобьем, достался Саранину, и он стал катастрофически уменьшаться в размерах, проклиная армянина — торгаша и мошенника.

«Где Халатьянц?» — вопрошает Саранин (слово «халат» превращается в фамилию с армянским суффиксом — *Э.Ш.*). Ежели у вас какие с ним дела, — говорил дворник, подозрительно глядя на Саранина, — то вы, господин, лучше уходите. Потому как он армянин, так как бы от полиции не влетело.

— Да где же проклятый армянин? — закричал с отчаянием Саранин. — Из 43 номера.

— Нет армянина, — отвечал дворник. — Был, это точно, это скрывать не стану, а только что теперь нет.

— Да где же он?

— Уехал.

— Куда? — крикнул Саранин.

— Кто его знает, — равнодушно ответил дворник. — Выправил заграничный паспорт и уехал за границу [9. С. 280].

Пошли слухи, что Сараниным в департаменте недовольны, подозревают его в сговоре с армянскими сепаратистами. Так, дискурс власти входит в свой традиционный регистр абсурда:

...ваше удивительное умаление становится положительно скандальным: уже ходят в городе соблазнительные слухи. Не могу судить об их справедливости, но знаю, что эти слухи объясняют ваше поведение в связи с агитацией армянского сепаратизма. Согласитесь, департамент не может быть местом развития армянской интриги, направленной к умалению русской государственности [9. С. 283].

Очевидны как плутовская и мошенническая роль армянина — не неожиданная, а считанная с обывательских представлений, так и отношение власти к армянам, подпитывающее народное мнение.

Если мы скажем, что после эпохальной армянской трагедии отношение к армянам в мифологии повседневности изменилось, то будем не правы. Вот как пишет об армянах литературовед Г.Д. Гачев, совершая в 1973 г. путешествие по Армении в целях культурологических наблюдений: «...им остается лишь изворачиваться и обманывать. Что обман — плохо, это для них трансцендентно, неисповедимо. Напротив, это, скорее, национальная добродетель» [10. С. 378]; «О, сколько мошенников в сем народе!» [10. С. 380]; «...все ведь — гении мошенства» [10. С. 387]; «Трудно армянам жить друг с другом. Легче — среди других народов. Уж слишком крепко заквашен народ: сплошная соль и камень. Каково жить соли с солью! Надо, чтоб вокруг соли — жижа была — ну, как русские, арабы, французы... Все это и к евреям относится. Так что их затея с государством Израиль — это поселить соль земли с солью земли. А сами с собой — жестоковейны...» [10. С. 399].

Последний пассаж выводит на предмет нашего исследования: армяне и евреи, схожесть судеб. Мнение Гачева субъективно и в то же время представляет срез бытового сознания. Гачев, как бы оправдываясь перед читателем, пишет много позже (в 1990 году) в сноске к своему тексту: «...односторонний и перекошенный

у меня тут получился образ Армении и армянина — как лубочного „армяшки“, по пословице: „где армянин прошел — там еврею делать нечего“. Очевидно, из-за того так вышло, что я находился в низовой среде и мало общался с людьми культуры» [10. С. 387].

Тем не менее Гачев подмечает оригинальную типологию: «Эчмиадзин — армянский Иерусалим...» [10. С. 381], метафоризируя таким образом «библейскость» двух земель, двух народов.

«Тут все говорило языком жизни — бывшей и будущей, — вечной жизни... Я ржался — я входил во дворик, и из всех дверей выбегал любящий меня народ — прадеды и прабабки, правнуки и правнучки... Будущие и прошлые люди обнимали меня и выстраивались безмолвной шеренгой, ласково сокрушаясь, и кивая, и жалея меня, пока я шел мимо них и плакал от скорби и счастья...» — это уже пишет Андрей Битов в цикле очерков «Уроки Армении» [11. С. 273].

Писатель восхищается армянским народом, способным, преодолев трагическую историческую травму, сохранить в себе то, что дает ему право на будущее, — связь поколений, являющуюся «исторической, ибо затрагивает не отдельную личность, а целое общество, цивилизацию» [12. С. 261]. Для Битова армянский текст выстраивается как культурный мифокод личности, целого народа и всего человечества, через который возможно преодолеть современную энтропийную «историософию личности, прерывающей целостность Жизни, основанной на непрерывности поколений» [12. С. 261].

Собственно *армянский текст* складывается только в XX в. — и именно стараниями русских писателей. Это русскоязычная рецепция страны и народа, которые восхитили их и позволили пристально посмотреть, сравнивая с Арменией, на свою родину, на себя. Это писатели «ворованного воздуха» [13. С. 270], как их называл Осип Мандельштам, стоящий у истоков армянского текста.

Важность рода, родов (а значит, прошлой, древней жизни) для армянской ментальности подчеркивается всеми, кто пишет об Армении в XX в. и ныне. Эта древность, по словам современной поэтессы, как «распластанный ковер / плодов садов / моих прадедов...» [14. С. 9]. Говоря о метасмыслах, или этноспецифических кодах культуры (они же ментефакты), зашифрованных в коврах (хотя и не армянских, но это дела не меняет), Гачев пишет: «...ковер=портативный (буквально „переносный“) храм... Ковер обнаруживается как всеобщий знаменатель и значитель, к которому приводимы все явления и отрасли бытия, природы, общества и человека... И Времена года, сезоны — записаны на ковре» [10. С. 295—296]. Современная армянская поэтесса Лиана Шахвердян, пишущая по-русски, как бы продолжает:

Прабабушка навсегда
вплела имя мое
в зигзаги узоров ковра
рода...
народа...
С тех пор все прапра...
мне смотрят в затылок:
я слышу их голоса... [14. С. 9].

Аналогично героиня романа Дины Рубиной «Вот идет Мессия!», попав в Иерусалим, на землю предков, то и дело встречает на улице, в магазине, в транспорте своих умерших родственников. (Подобный мотив М. Вайскопф называет типичным для русской литературы Израиля: «Столь же часто рассказчик встречает здесь своих убитых предков или родственников, восставших из расстрельных рвов, либо просто давно утраченных, скончавшихся друзей» [15. С. 245]. Вдруг в чужом человеке проступают знакомые черты: лицо, походка, «манера совать под мышку свернутую в трубочку газету — вылитый дядя Исаак, только чуть больше лысина на затылке, — так ведь сколько лет после его смерти прошло. А сколько раз она уже натыкалась на деда! Дважды бежала следом, чтобы еще раз в лицо заглянуть (хотя осознавала, конечно, что выглядит странно). И радостное вздрагивание души, захлестнутое дыхание, спазм в горле, слезы на глазах — были ей такой наградой за все безумие отъезда...» [16. С. 20].

Здесь, в Иерусалиме, куда, как к первозданному холму, стекаются все цивилизации, проступают «тени забытых предков»:

И никуда не деваются человеческие лица. Они проступают сквозь века, бесконечно прорастают из завязи древних генов, проявляются, как на старых фотоснимках, да и просто смотрят сегодняшними глазами с полустертых фресок древних атриумов [17. С. 251];

Понимаешь... главный культурный шок у нашего брата-европейца... возникает здесь отнюдь не от пейзажа непривычного или там орущего осла. Самый-то шок — от внезапного открытия, что все они были. Все они, которых брат-европеец видал на картинах художников в Третьяковке или Эрмитаже... все они, оказывается, были, все! И Авраам со своей Сарой, и Яков со своим колготливым семейством, и куча царей и пророков, и Иисус, и Иоанн Креститель — все, все были тут, неподалеку, в районе твоей поликлиники или прачечной. Вот от этого можно спать! [17. С. 301—302].

Точно так же и Гачева, едущего в поезде в Армению, принимают за своего — то ли армянина, то ли еврея: «Вы, наверное, оттуда? — мне говорят. Похож я на кавказца: чернявый. Приятен этот некоторый маскарад» [10. С. 353]. (Гачев по мадеринской линии еврей.)

В подобный маскарад погружается и путешествующий по Армении Юрий Карабчиевский:

...продавщица — очень милая женщина, стройная пожилая еврейка, то есть, конечно, армянка, но очень похожа. Армян, похожих на евреев, — множество, и вероятно, от этого я тоже иногда чувствую себя ва-а-сточным человеком. Вот подходит к нам бородастый дедушка, очень похожий на моего, в каких-то калошах на босу ногу, сейчас спросит с еврейским акцентом... но он спрашивает с армянским [18. С. 218].

К Гранту Матевосяну, армянскому писателю, оба — Битов и Карабчиевский — отсылают как весомому авторитетному мнению, в частности, Карабчиевский пишет:

он говорил о родстве судеб армян и евреев, а евреи как раз — хрестоматийный пример сохранности нации вопреки всем разрушительным факторам. Хотя у евреев, в отличие от армян, по сути, нет современной национальной культуры... «Как так можно говорить!» — скидывается Грант, и теперь уже он меня утешает... [18. С. 266].

Именно в Армении еврей Карабчиевский почувствовал свое право просто и внятно сказать «я еврей», не встретив в ответ и даже не ожидая никакой неадекватной реакции, о чем в России, по словам рассказчика «Тоски по Армении», говорить «неприлично».

Дома в России... вопрос этот устно задается редко, потому что если русский, то что ж тут такого, а если еврей, то уж лучше не надо, зачем вводить в неловкость присутствующих. У нас в России вопрос этот чисто письменный, а если предмет разговора, то в узком кругу. Вопрос, обязательный к написанию и запрещенный к произнесению... [18. С. 197].

Именно эта глубинная психологическая травма советского еврейства лежит в сюжете романа Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера», намеренно, демонстративно преодоленная в романе его сына, писателя Аркана Карива, «Переводчик». (Уникальный случай в русской литературе: не только авторы находятся в родстве — отец и сын, но и герои их романов: Александр Зильбер Карабчиевского — отец Мартына Зильбера, героя романа Карива.)

Василий Гроссман в своем армянском травелоге «Добро вам!» рассуждает о схожести судеб евреев и армян.

Армяне — древний народ, с тысячелетней культурой, с тысячелетней историей, народ, переживший множество войн, народ-путешественник, народ, веками терпевший гнет захватчиков, народ, в борьбе обретавший свободу и вновь попадавший в рабство. Может быть, в этом и объяснение монгольских приплюснутых носов, голубых греческих глаз, ассирийской черноты, персидских угольных очей?... А евреи! И черные, и горбоносые, и курносые, и смуглые, и голубоглазые, белоголовые — лица азиатские, африканские, испанские, немецкие, славянские... [19. С. 10].

Далее он описывает встречу с простыми армянами-селянами: свадебное застолье, слово в честь приехавшего из Москвы гостя берет плотник.

Он говорил о евреях. Он говорил, что в немецком плену видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных. Он рассказал мне, как были убиты его товарищи евреи. Он говорил о своем сочувствии и любви к еврейским женщинам и детям, которые погибали в газовнях Освенцима. Он сказал, что читал мои военные статьи, где я описываю армян, и подумал, что вот об армянах написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий. Ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа. За это он и пьет стакан водки. Все люди поднялись со своих мест, мужики и бабы, и долгий, тяжкий гром рукоплесканий подтвердил, что армянский крестьянский народ полон сочувствия к еврейскому народу. Потом выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что кровь и страдания сблизили евреев и армян. Я услышал от стариков и молодых слова уважения и восхищения, обращенные к евреям, к их трудолюбию, уму. И старики убежденно называли еврейский народ великим народом... [19. С. 61].

Тронутый таким вниманием и пониманием, трагическим родством двух народов, Гроссман пишет, что никогда никому не кланялся до земли, но этим армянским крестьянам кланяется, помня о зверствах фашистов, прошивших и его личную судьбу, будет помнить до конца жизни речи простых армянских братьев.

Геноцид армян 1915 г. — главный паттерн армянского текста, мимо него не проходит ни один писатель, если его волнует Армения. Персонаж романа Сухбата Афлатуни «Рай земной», Ричард Геворкян, произносит сакраментальные слова:

Есть народы, которые интересны только в состоянии несчастья, трагедии. Как мы, армяне. Как евреи. Как поляки... [20. С. 180].

Стихи «Цицернакаберд», получившие название по топониму, давшему название мемориалу, принадлежат эстонцу, живущему в Италии, пишущему по-русски, — Алесслио Гаспари (гетероним поэта Калле Каспера).

На Цицернакаберде тишина,
Лишь ласточки поют о Геноциде,
О всех бесчисленных, затерянных в Аиде,
О том, какая страшная цена
Назначена — нет, не за ум и честь,
Единственно — за продолжение рода,
За то, чтоб не рассеялась порода
И каждый бы в душе лелеял месть
[21. С. 79].

Ключевые для нашей статьи слова — «продолжение рода» — это главная составляющая культурного феномена «Армения». Находясь внутри этого сооружения — памятника погибшим армянам и глядя вокруг, рассказчик «Тоски по Армении», ощутивший именно здесь, в Армении, свое еврейство, отчетливо осознает свое родство с этой землей:

прямо в сердце меня укалывает эта мысль, в чем подлинная суть родства, между мной и ими, того родства о котором мне столько раз пытались сказать армяне и которое я сам чувствую в себе постоянно. Нет, не древние культуры, разве знатность происхождения может служить основой любви? И не национальная обособленность, откуда она у меня, никогда не бывало. Нет, главное здесь в другом: духовное родство оставшихся в живых. Естественная близость и понимание и взаимное утешение все потерявших, но оставленных Богом жить для какой-то Ему лишь ведомой цели. Это близость и родственность Иова — Иову, это притяжение сироты к сироте. Два миллиона армян и шесть миллионов евреев, разные цифры — и одна цифра: две трети населения и там и тут... Кровь и величайшие в мире несчастья роднят евреев с армянами, как не могут роднить никакие блага [18. С. 293—294].

Погибли дети Иова, которые были у него ДО всех испытаний (Иов. 1, 18—19), а после того, как испытания Иова завершились, у него снова были дети: «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние... И было у него семь сыновей и три дочери» (Иов. 42, 12—13).

Дети Иова — трагическая и одновременная назойливо-непреходящая метафора, упрек человечеству за уничтожение себе подобных, эта метафора все не устаревает, она вновь и вновь всплывает в памяти, когда подводятся итоги кровавому XX в.

Заключение

Армянский текст, существующий в русской культуре и литературе, — это конструктор, созданный писателями и путешественниками, тиражируемый от текста к тексту, письменному и устному. Мы рассмотрели лишь один из паттернов армянского текста — родстве армян и евреев. По словам Осипа Манделъштама, одного из «прародителей» армянского текста, земля армянская — «младшая сестра земли иудейской», что ощутил и осмыслил каждый из представленных в статье путешественников по Армении — Василий Гроссман, Андрей Битов, Юрий Карабчиевский, Георгий Гачев.

Список литературы

1. *Шафранская Э.Ф.* О феномене *genius loci* — вообще и в частности // *Polilog. Studia Neofilologiczne*. 2021. № 11. С. 21—30.
2. *Шафранская Э.Ф.* Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017. № 1. С. 22—29.
3. *Евреи и жиды в русской классике*. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005.
4. *Вайскопф М.* Семья без урда. Образ еврея в литературе русского романтизма // *Птица тройка и колесница души. Работы 1978—2003 гг.* М., 2003.
5. *Шафранская Э.Ф.* Этнически иной как недруг — вечная тема словесности // *Вечное как сюжет: статьи и материалы*. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 310—319.
6. *Юзефович И.В.* Способы создания образа «чужого» в русской литературе: фонетический аспект (к постановке проблемы) // *European Social Science Journal*. 2014. № 8. Т. 1. С. 225—233.
7. *Юзефович И.В.* Речевой портрет «чужого» в русской литературе конца XIX — начала XX века: лексико-синтаксические особенности создания литературного образа еврея // *Русский язык за рубежом*. 2015. № 2. С. 85—91.
8. *Аннинский Л.А.* Лучина и свеча // *Дружба народов*. 1993. № 2. С. 169—186.
9. *Сологуб Ф.* Маленький человек // *Свет и тени. Избранная проза*. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С. 274—289.
10. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М.: Издательский сервис, 2002.
11. *Битов А.* Уроки Армении // *Образ жизни. Повести*. М.: Молодая гвардия, 1972.
12. *Гарипова Г.Т.* Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних» (на материале произведений А. Битова, А. Кима) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 2. С. 258—263.
13. *Манделъштам О.* Четвертая проза // *Отклик неба: стихотворения, критическая проза / сост. и авт. предисл. Л. Бельская*. Алма-Ата: Жазушы, 1989. С. 266—288.
14. *Шахвердян Л.* Многогочие. Стихи и рассказы. Ереван, 2015.
15. *Вайскопф М.* «Мы были как во сне»: тема исхода в литературе русского Израиля // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 47. С. 241—252.
16. *Рубина Д.И.* Вот идет Мессия! Роман, эссе. СПб.: Ретро, 2001.
17. *Рубина Д.И.* Цыганка. Рассказы. М.: Эксмо, 2007.
18. *Карабчиевский Ю.* Тоска по дому. Роман, повести. М.: Слово, 1991.
19. *Гроссман В.* Добро вам! (Из путевых заметок) // *Знамя*. 1988. № 11. С. 5—62.
20. *Афлатуни С.* Рай земной. Роман. М.: Эксмо, 2019.
21. *Гаспари А.* Стихи: Поездка в Армению // *Литературная Армения*. 2021. № 1. С. 73—79.

References

1. Shafranskaja, E.F. 2021. “O fenomene genius loci — voobshhe i v chastnosti”. *Polilog. Studia Neofilologiczne* 11: 21—30. (In Russ.)
2. Shafranskaja, E.F. 2017. “Vruny i fantazery kak pattern lokal’nyh tekstov XX veka”. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie* 1: 22—29. (In Russ.)
3. *Evrei i zhidy v russkoj klassike*. 2005. Moscow: Mosty kul’tury publ.; Ierusalim: Gesharim publ. (In Russ.)
4. Vajskopf, M. 2003. “Sem’ja bez uroda. Obraz evreja v literature russkogo romantizma”. In M. Vajskopf. *Ptica trojka i kolesnica dushi: Raboty 1978—2003 gg.* Moscow: NLO publ. (In Russ.)
5. Shafranskaja, E.F. 2015. “Jetnicheski inoj kak nedrug — vechnaja tema slovesnosti”. In *Vechnoe kak szuzhet: Articles*. Tver’: Izdatel’stvo Mariny Batasovoj publ. Pp. 310—319. (In Russ.)
6. Juzefovich, I.V. 2014. “Sposoby sozdanija obraza “chuzhogo” v russkoj literature: foneticheskij aspekt (k postanovke problemy)”. *European Social Science Journal* 8 (1): 225—233. (In Russ.)
7. Juzefovich, I.V. 2015. “Rechevoj portret “chuzhogo” v russkoj literature konca XIX — nachala XX veka: leksiko-sintaksicheskie osobennosti sozdanija literaturnogo obraza evreja”. *Russkij jazyk za rubezhom* 2: 85—91. (In Russ.)
8. Anninskij, L.A. 1993. “Luchina i svecha”. *Druzhiba narodov* 2: 169—186. (In Russ.)
9. Sologub, F. 1988. “Malen’kij chelovek”. In F. Sologub. *Svet i teni: Izbrannaja proza*. Minsk: Mastackaja literatura publ. Pp. 274—289. (In Russ.)
10. Gachev, G.D. 2002. *Nacional’nye obrazy mira. Kavkaz. Intellektual’nye puteshestvija iz Rossii v Gruziju, Azerbajdzhan i Armeniju*. Moscow: Izdatel’skij servis publ. (In Russ.)
11. Bitov, A. 1972. “Uroki Armenii”. In A. Bitov. *Obraz zhizni: Povesti*. Moscow: Molodaja gvardija publ. Pp. 165—285. (In Russ.)
12. Garipova, G.T. 2021. “Filosofskaja referencija kak sposob hudozhestvennogo miromodelirovanija v proze “pokolenija sorokaetnih” (na materiale proizvedenij A. Bitova, A. Kima)”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 14 (2): 258—263. (In Russ.)
13. Mandel’shtam, O. 1989. “Chetvertaja proza”. In O. Mandel’shtam. *Otklik neba: Stihotvorenija, kriticheskaja proza*. Composed by L. Bel’skaja. Alma-Ata: Zhazushy publ. Pp. 266—288. (In Russ.)
14. Shahverdjan, L. 2015. *Mnogotochie: Stihi i rasskazy*. Erevan. (In Russ.)
15. Vajskopf, M. 2001. “My byli kak vo sne”: Tema ishoda v literature russkogo Izrailja. In *Novoe literaturnoe obozrenie* 47: 241—252. (In Russ.)
16. Rubina, D.I. 2001. *Vot idet Messija!: Roman, jesse*. St. Peterburg: Retro publ. (In Russ.)
17. Rubina, D.I. 2007. *Cyganka: Rasskazy*. Moscow: Eksmo publ. (In Russ.)
18. Karabchievskij, Ju. 1991. *Toska po domu: Roman, povesti*. Moscow: Slovo publ. (In Russ.)
19. Grossman, V. 1988. *Dobro vam! (Iz putevyh zametok)*. *Znamja* 11: 5—62. (In Russ.)
20. Aflatuni, S. 2019. *Raj zemnoj: Roman*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
21. Gaspari, A. 2021. “Stihi: Poezdka v Armeniju”. *Literaturnaja Armenija* 1: 73—79. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, ведущий научный сотрудник НОЦ Смоленского центра количественной филологии. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710; SPIN: 5340-6268

Bio Note:

Eleonora Fedorovna Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Literature Department Moscow City University, Leading Researcher at the Smolensk Center for Quantitative Philology. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710; SPIN: 5340-6268